

С. С. ГЛАГОЛЕВ

<Отзыв на книгу о. Павла Флоренского «О духовной Истине». М., 1912.>

Книга, отзыв на которую я должен теперь предложить вниманию Совета Академии, представляет собой исключительное явление. Все в ней необыкновенно, оригинально, все запечатлено исключительной индивидуальностью автора. Автор предлагает «Опыт православной теодицеи». Сколько таких опытов предложено на пространстве веков! Но я не знаю другого опыта, который был бы написан по такому плану, таким молодым языком и с привлечением такого разнообразного и своеобразного материала.

Тем, кто знает о. Павла лично и близко, его книга должна показать, каким исключительно широким и глубоким образованием он обладает. Трудно указать в Европе или Америке мыслителя, который имел бы такую блестящую подготовку для постановки и решения философских проблем и, в особенности, для решения труднейших проблем философии религии. В опытах религиозной философии Джемса¹, Вундта², Бутру³, Геффдинга⁴ явно чувствуется неудовлетворительность теологической подготовки их авторов и — что еще более странно — проявляется неосведомленность в области истории религий. Наш автор богословски образован так, как редко бывает образован богослов. Не курсы богословия только знает он, он усвоил, воспринял в себя православное богослужение, он просознал православие и живет им. И он привлекает к себе в руководители и помощники прежде всего не богословов, а тех, которые жили верою. Житиями святых простецов он пользуется не как историческим, а как высокоидейным материалом, дающим ключ к разрешению труднейших вопросов познания. В области истории религий осведомленность о. Павла Александровича изумительно обширна. Он знает раз-

личные религии не только в их схемах, но в их подробностях, в деталях и мелочах их культа и пользуется этими мелочами для выяснения естественно-религиозных стремлений человеческой души.

Он отыскивает в своей книге «Столп и утверждение Истины» и находит его в Церкви. Проблему гносеологическую он разрешает в проблему религиозную. Для того чтобы дать такую постановку и такое решение вопроса, он обладает научными познаниями в изумительной широте и полноте. Математик по специальности, глубоко изучивший механику и физику, хорошо осведомленный в области наук биологических, он знает философов в оригинале и подлинниках и из массы их творений с удивительною чуткостью и глубиной анализа извлекает то, что является ценным в глазах православного мыслителя.

Для своего опыта теодицеи он широко пользуется филологией. Мертвые слова оживают в его анализе. В словах, в их корнях он видит выражение стремлений души, ищущей и предчувствующей истину.

У Канта его важнейшее сочинение — «Критика чистого разума» («*Kritik der reinen Vernunft*») и его последняя монография — «Религия в границах одного только разума» («*Religion innerhalb Grenzen der blossen Vernunft*»), в сущности, являются несъютимыми⁵. Гносеологический скептицизм и религиозная вера у него оказываются существующими совместно и совершенно раздельно. Эту точку зрения усвоили многие. Но мне представляется, что о. Павел, отступая от Канта, своею книгою делает поворот к более правильному взгляду Декарта⁶. Для картезианского мыслителя *veracitas Dei*⁷ была гарантией того, что человек может познать истину. Книга о. Павла Александровича, в сущности, трактует о религиозных основах достоверности.

Между бытием и мышлением о. Павел Александрович усматривает противоречие. Мир есть процесс, есть непрекращающееся движение. Наше мышление может оперировать лишь над неподвижным — над фактами, предметами. Летящую стрелу в каждый момент наше мышление приурочивает к определенному пункту, и во всей силе донныне остается парадокс Зенона⁸, что летящая стрела неподвижна. В самих принципах мышления открывается несогласованность. Закон тождества требует, чтобы *A* было равно *A*. Закон достаточного основания требует, чтобы *A* было равно не-*A*, закон достаточного основания сводит *A* на *B*. Разрешение этих противоречий о. Павел Александрович находит в высшей форме закона тождества. *A* вечно отвергает само себя и в своем самоотвержении вечно получает себя. Вначале *A* есть *A*,

потому что оно исключает из себя все; в конце А становится А, потому что усваивает и уподобляет себе все. Очевидно, промежуточное звено, посредствующий момент, есть отрицание, А становится не-А.

Высшее тождество есть истина. Истина есть созерцание себя через другого в третьем. Отец, Сын, Дух. Обс^а истины есть бесконечный акт Трех в Единстве. Истина есть единая сущность в трех ипостасях.

По о. Павлу, истина есть интуиция, т. е. дается непосредственно, и вместе с тем истина есть дискурсия, т. е. подлежит доказательству. Истина есть интуиция-дискурсия. На многих страницах своей книги автор развивает и обосновывает тезис, что сама истина побуждает человека искать истины. Истина дана душе, и только поэтому мы ее ищем, выясняем, обосновываем и стремимся утверждать. Сама Триипостасная Истина влечет нас к себе.

«Я не знаю, — пишет автор, — есть ли Истина или нет ее. Но я всем нутром ощущаю, что не могу без нее. И я знаю, что если она есть, то она — все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье. Может быть, нет ее; но я люблю ее, люблю больше, нежели все существующее. К ней я уже отношусь, как к существующей, и ее — быть может, не существующую, — люблю всею душою моею и всем помышлением моим. Для нее я отказываюсь от всего — даже от своих вопросов и от своего сомнения. Я, сомневающийся, веду себя с нею, как несомневающийся. Я, стоящий на крае ничтожества, хожу, как если бы я уже был на другом крае, в стране реальности, оправданности и ведения. Трояким подвигом веры, надежды и любви преодолевается косность закона тождества. Я перестаю быть Я, моя мысль перестает быть моею мыслью; непостижимым актом отказываюсь от самоутверждения “Я = Я”. Что-то или Кто-то помогает выйти из моей самозамкнутости... Что-то или Кто-то гасит идею, что Я — центр философских исканий, и я ставлю на это место идею о самой Истине. Будучи ничем, но единственным данным мне, я, себе данный, непостижимо для себя самого отказываюсь от этого единственного достояния, приношу Истине ту единственную жертву, которая предоставлена мне, но и ее-то приношу не своею силою, а силою самой Истины; как ранее греховная самость ставила себя на место Бога, так теперь помощью Божией я ставлю на место себя Бога, мне еще неизвестного, но чаемого и любимого. Я отказываюсь от боязливости опасения, что со мною будет, и решительным взмахом делаю себе операцию. Я покидаю край бездны и твердым шагом вбегаю на мост, который, быть может, провалится подо мною.

Свою судьбу, свой разум, самую душу всего искания — требование достоверности я вручаю в руки самой Истины. Ради нее я отказываюсь от доказательства» (с. 63—64).

Ново все то, что хорошо забыто. Я сказал, что в книге о Павла Александровича мне чувствуется поворот к Декарту, и должен добавить: к его эпохе. Приведенные мною слова нашего автора, развиваемые и обосновываемые им в книге, представляют собою утверждение и развитие того, что некогда писал Паскаль, Боссюэт¹⁰, Фенелон¹¹ (см. краткое изложение их доказательств бытия Божия в моей книге «Пособие к обучению Основного Богословия»)¹².

Как в области философии книга о Павла Александровича в некоторых вопросах представляет поворот к докантовскому периоду, так в своем богословском содержании она представляет во всем своем объеме поворот к святоотеческому и аскетическому богословию.

Для того чтобы познать истину, нужен свет истины. Для приобретения его нужна любовь к истине. Любовь о. Павел Александрович понимает в смысле онтологического акта, а не в смысле психологического состояния. Познание Бога проявляется в деятельной любви к твари, а проявленная любовь есть красота. Познание Бога и любовь к Богу для автора нераздельны. Нет любви, нет и познания, и наоборот. Свет истины не есть лишь духовный свет, он может становиться светом видимым. Лицо Моисея сияло лучами. О. Павел Александрович приводит аналогичные примеры из житий. Но он предостерегает от того, чтобы доверять свету еретических и нехристианских мистиков.

Для того, кто действительно познал догмат, он есть «око ума». И св. Афанасия Александрийского, познавшего и отстаившего догмат Троичности, св. Григорий Богослов называет «святым оком вселенной». «Им вселенная усмотрела истину».

Усвоение Св. Духа, восприятие Утешителя, есть начало жизни бессмертной. «Св. посты — начатки просветления тела; св. мощи, которые мы лобызаем, — проблески воскресения; св. таинства — источники обожения» (с. 127). Теперь царство Божие через усвоение Св. Духа наступает для отдельных личностей. В будущем оно наступит для всех, которые будут в истине.

Как наряду с Богом существует тварь, так рядом с Истиною (субстанциональною, живою) существует истина. Истина, по нашему автору, антиномична. Он указывает, что в вопросах о Божестве, естествах во Христе, об отношении человека к Богу, о грехе, суде, воздаянии, конечной судьбе, в вопросах о заслугах, благодати, вере, пришествии Христовом мы имеем ряд антино-

мичных утверждений. Эти антиномии разрешаются в высшей стадии религиозного развития, разрешаются сверхсознанием, сверхлогику.

Путь, которым должен идти человек, должен представлять собою усвоение истины. Но есть иной путь — путь греха. Отец Павел Александрович анализирует определение греха как беззакония — по учению ап. Иоанна. Противопоставляет ему путь закона, путь праведности, который характеризует термином «целомудрие» (целостная мудрость). Этот путь ведет к вечности. При вопросе о вечности автор затрагивает вопрос о памяти, которую определяет как «создание во времени символов вечности».

К вечности человек идет вместе с Богозданною тварью. Автор рассматривает тварь и в ее историческом явлении, и в ее идеале.

К своему исследованию о. Павел Александрович приложил книжку примечаний и заметок. Он дал 470 примечаний к своей работе. В этих примечаниях читатель найдет указания сочинений, в которых обсуждаются положения, устанавливаемые нашим автором, или дается материал для обоснования этих положений. О. Павел Александрович дает не глухие указания: он комментирует цитаты, подчеркивает их смысл, указывает на их внутреннюю природу. Он предлагает читателям ключи к пониманию цитируемых им трудов. Книжка цитат в высшей степени важна для тех — конечно, немногочисленных читателей, — которые займутся анализом капитального труда о. Павла Александровича. Эти цитаты откроют нам, что изучал и что читал на своем еще очень недолгом веку автор, и эти цитаты дают нам некоторую возможность выяснить генезис его воззрений.

Книгу о. Павла Александровича нужно не читать, а изучать: слишком много важных и ценных утверждений она в себе заключает. Но вместе с тем важность предмета и глубокая значимость этих утверждений побуждает читателя быть осторожным при чтении этой книги и не спешить присоединять свое «да» к утверждениям автора. Думается, что и сам автор, когда станет переиздавать свою книгу, найдет нужным изменить в ней нечто с внешней стороны и нечто с внутренней.

Я сказал, что книга о. Павла трактует о религиозных основаниях достоверности. Сам автор озаглавил ее «О духовной истине». Что же, духовная истина автора относится к истине вообще, как видовое понятие к родовому? Какой же другой вид истины существует? истина плотяная? Но такой истины не существует. Живая Истина духовна. Истина как правильное утверждение нематериальна. Да, наконец, наш автор трактует о критерии истины вообще, а не о критерии духовной истины.

В обращении автора к читателю мы находим утверждение, что православная церковность неопределима (с. 7). Но ведь он рассуждает об этой церковности. Разве можно рассуждать о неопределимом? А потом все то, что существует, может быть познаваемо и определяемо. Непознаваемо и неопределимо лишь такое бытие, которое на нас не действует. Но такое бытие для нас и не существует, для нас оно есть небытие.

Разрешение многих недоумений автор находит в тайне Троичности, но, вероятно, его рассуждения о Троичности более вызовут недоумений, чем решат их. По-видимому, автор в числе «три» видит какую-то основную категорию жизни и мышления. У него как бы утверждается невыводимость чисел ни из чего другого. Вещи — явления абсолютных, трансцендентных чисел. Я думаю, что числа совсем не что-либо абсолютное, а только прием несовершенного мышления. Существование чисел предполагает собою существование разрывов в бытии и существование тождественных предметов. Ни того ни другого нет в действительности. И мы постоянно наталкиваемся на иррациональные величины. Определение величин числами обычно есть прием приближенный, неточный. Если автор понимает числа иные, то ему следовало бы выразиться определеннее, да и эта теория, только что зарождающаяся, есть скорее вопрос, чем теория.

В пространстве автор должен находить число «три», потому что пространство трехмерно. Я думаю, что на пространстве удобно показать фиктивное значение числа «три». В природе существуют лишь тела, а поверхности и линии суть только отвлечения от тел. Новая натуральная геометрия так и ставит дело, что существует один тип пространственного бытия, а не три типа.

Число «три» у автора управляет миром¹³. Простейшая семья для него должна состоять из отца, матери и ребенка, который является центром семьи. Если бы на самом деле эта простейшая семья была нормальной семьей, то, по моему подсчету, человечество при самых благоприятных условиях через 900 лет прекратило бы свое существование*.

* На земле теперь 1500 миллионов людей. Принимая, что каждые двое будут производить одного, мы получаем, что в каждом последующем поколении число людей будет уменьшаться вдвое. Для решения вопроса, когда на земле останется один человек, имеем уравнение

$$\frac{1500000000}{2^n} = 1; n \lg 2 = 8 \lg 15; n. \text{ o. } 3010300 = 8. 11760913; n$$

оказывается несколько больше 28. Через 29 поколений человечество сведется к одному лицу, 30-го поколения не будет. Считая поколение в 30 лет, имеем, что через 900 лет на земле не останется ни одного человека.

Я не думаю оспаривать мысли автора, что представление божества троичным нам дается не отвне только, а заложено в нашу природу. Но для выяснения этого тезиса автору нужно было больше остановиться на религии, и особенно на религии египетской.

Автор считает наше мышление антиномичным. Он дает нам ряд антиномий (с. 157—158). Без сомнения, он мог бы умножать их без конца. Но, может быть, дело здесь не в антиномичности, а просто в ограниченности человеческого мышления и знания. Не сверхразумность на пространстве веков уничтожила антиномии, они уничтожились научными открытиями. До открытия Нептуна¹⁴ движение Урана и закон тяготения были антиномичны; до открытия действия капиллярных сил иголка, не тонущая в воде, и закон Архимеда¹⁵ были антиномичны; теперь все это находится в добром согласии.

Автор православен, православен глубоко, внутренне, но это не оправдывает его отношений к католицизму и протестантизму. «Для католицизма, — пишет он, — (разумеется, беру как католицизм, так и протестантизм в их пределе, в их принципе) всякое самостоятельное проявление жизни неканонично, для протестантизма же — оно ненаучно» (с. 6—7). На самом деле автор берет здесь католицизм и протестантизм не в пределе, а в карикатуре. Разве католицизм безусловно отрицает свободу и разве протестантизм безусловно хочет регулировать отношения человека к Богу научным способом? Я не представляю себе и никакого предела у протестантизма. Протестант может быть католиком и почти атеистом. Это «почти» может быть очень малым; протестант может быть почти и буддистом, и магометанином. Исторически протестантизм идет к отрицанию всякой религии, но в принципе верования протестанта могут приближаться ко всякой религии. Католицизм дал таких людей, как Франциск Ассизский или Паскаль. Разве они представляли собою отступление от католического идеала, а не приближение к нему? Несомненно, что даже в иезуитском ордене происходит постепенно раскрепощение свободы, а не закрепощение, и это с точки зрения принципов католицизма вовсе не есть удаление от предела. Автор в своих суждениях о чужих для него формах веры поддается слабости, оправдываемой его глубокой религиозностью, но не оправдываемой правдою: свое исповедание он рассматривает в его идеале, а другие исповедания не только не в идеале, но и не в историческом проявлении, а в карикатуре.

Прося о. Павла Александровича быть снисходительнее к католикам и протестантам, я попросил бы его, имея в виду его книжку примечаний, быть снисходительнее и к читателям. Своими

цитатами он отсылает читателя к математическим теориям Бугаева¹⁶, Некрасова¹⁷, Алексеева¹⁸, к биологическим гипотезам Коржинского¹⁹, Гуго де Фриза²⁰, к филологическим исследованиям Курциуса²¹, Прельвица и Буасака, к подвижническим и святоотеческим творениям, к литургическим и церковно-историческим исследованиям, к изящной литературе, к произведениям философов и т. д. и т. д. И великих и малых писателей он цитирует по подлинникам. Но немного найдется людей, которые могли бы легко переходить от св. Григория Нисского к теории вероятностей Лапласа²² и от «Алгебры логики» Кутюра²³ к преподобному Иоанну Лествичнику. Затем, немного найдется людей, которые имели бы возможность ознакомиться со многими из цитируемого автором. В своих цитатах наш автор очень редко разграничивает существенное от несущественного, важное от неважного, даже порою стоящее внимания от нестоящего. Он подчеркивает и комментирует мысль цитируемого источника. И только. Но что важнее всего прочитать из множества книг и статей, прочитанных автором? На это нет ответа. А между тем для самого дела, защищаемого автором, было бы весьма полезно, если бы он указал важнейшие сочинения, приведшие его к утверждаемым им положениям. Это нелегко. Но о. Павел Александрович умеет и любит трудиться.

В заключение скажу следующее. Можно многое оспаривать и даже отрицать в сочинении о. Павла. Но все это не колеблет исключительного значения этой исключительной книги. И значение она будет иметь не только научно-богословское или философское, а и глубоко жизненное. Вопрос о том — заслуживает ли это сочинение ученой степени и какой: магистра или доктора, этот вопрос мне представляется даже неловким. Есть книги, которые поднимаются над школьною лестницей ученых степеней, книга о. Павла Александровича принадлежит к их числу. В ней находим мы цельное и оригинальное мирозерцание человека, юного по возрасту, но зрелого духом. Юный, он в своей книге является всецело и своеобразно сложившимся. В этом отношении я сравню его с Эдуардом Гартманом²⁴, давшим свою философию бессознательного 29 лет от роду. Но Гартман дал унылое и безнадежное мирозерцание, а наш автор своею проникновенною глубокою православною книгою всегда будет возгревать в людях веру, надежду, любовь. Вознаградим его за его книгу, как можем.

